

шего надобно боком, а вынимать его не наклоняя на бок), то вода, в нем находящаяся, не будет вытекать до тех пор, пока не отнимется доска. Это объясняется тем, что воздух, давя снизу, препятствует выходу воды, потому что присутствием доски отстраняется противодействующее давление снизу».

Из этого видно: 1) что опыты и фокусы изложены в «Комнатной магии» не совсем полно; 2) что они действительно основаны на физике и химии, а не на проворстве рук, и потому удобоисполнимы для каждого желающего ими заняться; 3) что поэтому взрослые и не взрослые дети могут довольно забавно проводить время при помощи «Комнатной магии»; 4) что г. Амарантов имеет похвальное стремление объяснять загадочные явления.

Умеете ли вы «заставить среди зимы расцвести в комнате ветвь, срубленную в саду и замерзшую?» Ни вопроса этого, ни ответа на него в «Комнатной магии» мы не нашли; в сотнях других подобных книжек вы найдете следующий ответ: посадите замерзшую ветвь в наполненное известью и водою ведро, и она распустится и расцветет в несколько часов.

Из этого видно: 1) что далеко не все фокусы помещены в «Комнатной магии», 2) что, имея под руками несколько подобных книжек, можно давать удовлетворительные ответы и на такие вопросы, которых нет в «Комнатной магии».

Итак, предполагая, что у любителя подобных задач есть достаточный запас книг, мы попросим его дать ответ на следующий вопрос: на-днях вышла книжка под заглавием

Первая любовь. Повесть. Сочинение А. К-ва. Москва. 1854

Повесть эта очень плоха, плоха так, как нельзя больше. В ней два злодея, из которых одного, для эффекта, зовут Жуком; есть два эпизодические рассказа, написанные явно с целью соперничать с «повестью о капитане Копейкине», даже подобно ей напечатанные с особым заглавием; вот образцы их:

«Столоначальник и говорит: это, говорит, не так написано; говорит: надо вот так и так; тут вот, говорит, написано то, а надо вот то, и прочее, в этом роде, понимаете...»

«Вхожу в переднюю-с. Там лакеище этакой неподвижный, знаете, мурлястый такой, хватистый, грузный из себя. Кого вам? говорит. — Я говорю: барышню вот, говорю, платок отдать».

Есть добродетельный чудак, есть соблазнитель, есть преступный старик, есть яд, даже два раза, есть — что всего ужаснее — страшный юмор... одним словом, читатель, вероятно, уж убедился в качествах «Первой любви». Итак, предлагается следующая задача:

«Как сделать, чтобы книжка, заключающая в своей обертке «Первую любовь», была редким и замечательным явлением в литературе?»

Не правда ли, это кажется невозможно? А между тем это уж сделано — на основании химии, на основании физики или на основании чего-нибудь другого, это пока все равно, но это сделано. Каким же образом? вот каким:

«Первая любовь» есть редкое и замечательное явление в литературе, потому что, если не считать серобумажных романов, подобных «Бриллиантовой луне» и «Любви и верности», эта книжка есть единственная русская книжка, содержащая в себе беллетристическое русское произведение, появившееся в течение более нежели полугода.

Теперь остается разрешить только вопрос: каким образом русская литература в течение более нежели полугода могла произвести только одну книжку беллетристического содержания?

Для многих ответ затруднителен; а для многих вовсе затруднителен: «толстые журналы поглотили всю нашу беллестристику». Но почему же не поглощали прежде?

«ИЗ № 12 «СОВРЕМЕННОГО»»

Учебник русской словесности. Часть первая — теория для средних учебных заведений. А. Охотина. Спб. 1849.

Учебник русской словесности. Часть II — история, для кондукторских классов первого штурманского полу-экипажа. А. Охотина. Кронштадт. 1854.

Всего похвальнее в г. Охотине его скромность. Назначив первую часть своего учебника, изданную еще в 1849 году, для всех средних учебных заведений, в настоящее время он сам добровольно отказался от такого назначения своей книги и вторую часть уже назначил только для кондукторских классов первого штурманского полу-экипажа, где книга его должна занимать место записок. Только с этой точки зрения она и может иметь какое-нибудь значение и принести ту пользу, что ученики не будут обременены переписыванием своих уроков. Но как учитель должен знать свое дело, так и записки его должны быть согласны с современным состоянием науки и с целью воспитания юношества. Теория г. Охотина есть не что иное, как сокращенный и изуродованный курс Чистякова. Прежде всего бросается в глаза чрезвычайная отсталость научных понятий. Автор, например, хочет излагать теорию русской словесности, предполагая, вероятно, что есть особенная теория французской, немецкой словесности и т. д. В понятиях своих о поэзии г. Охотин живет еще в то блаженное время, когда поэзией называли стихотворство: поэтому роман, повесть отнесены им к разряду исторических сочинений. Все, что не написано стихами, он называет прозою и определяет ее таким образом: «Если в сочинении исследования ума, или же-